

МИХАИЛ СТАЛИНЦЕВ

ЛИНИЯ ВОЗВРАТА

ИСТОРИЯ НЕ ПРОЩАЕТ ОШИБОК.
НО ДАЁТ ВТОРОЙ ШАНС.

18+

Михаил Сталинцев
Линия возврата

«Автор»

2026

Сталинцев М.

Линия возврата / М. Сталинцев — «Автор», 2026

Инженер связи Илья Ракитин исчезает осенью 2022 года и оказывается на той же земле 17 июля 1942-го. Без оружия и точного знания истории он попадает к отступающей части Красной армии, где его принимают за диверсанта. Илья знает, кто победит в войне, — но не знает, кого погубит первая попытка изменить ее ход.

© Сталинцев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Непринятый вызов	5
Глава 2. Другая пыль	13
Глава 3. Невозможные вещи	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Михаил Сталинцев

Линия возврата

Глава 1. Непринятый вызов

Темное стекло окна возвращало Илье его лицо поверх редких огней дороги. Огни плыли там, где должны были быть глаза, и на каждом ухабе отражение раздваивалось: одно оставалось внутри машины, другое уходило в ночь. Будто он уже находился между двумя местами и ни в одном не мог задержаться.

Илья отвернулся от окна и снова посмотрел на телефон. Тридцать восемь процентов. Две полоски сети появились, пропали, вернулись одной. Этого могло хватить. В аварийных сетях вообще редко требовалось, чтобы все работало хорошо. Требовалось, чтобы хоть что-нибудь работало достаточно долго.

Он уже выстроил разговор по порядку. Сначала спросить, как Лиза. Потом — получила ли Марина перевод. Напомнить про квитанцию, которую можно оплатить через приложение, если она опять забыла пароль. В конце сказать, что скоро снова пропадет сеть. Получалось минуты на три, без пауз, в которые Марина могла задать вопрос, не предусмотренный схемой.

Телефон был поврежден еще на слаживании: трещина пересекала верхний угол экрана, и возле нее иногда не срабатывало касание. Илья заклеил край узкой полоской прозрачной ленты. Заменить аппарат он не успел. Теперь каждый процент заряда казался частью запаса, который нельзя пополнить по желанию. В машине имелись розетки, но одна не работала, а возле второй весь путь лежал чей-то рюкзак. Можно было попросить освободить. Илья не просил: тридцати восьми процентов по его расчету хватало до позиции.

В кузове пахло мокрой тканью, резиной и чужим табаком, хотя курить внутри запретили еще на выезде. Бронежилет давил снизу на ребра. Илья подтянул его, получил вместо облегчения новый упор под мышками и оставил как было. За последние три ночи он спал урывками и теперь чувствовал усталость не в голове, а в коже: каска шуршала по волосам слишком громко, ремень рации царапал шею, сухой язык лип к нёбу.

Напротив дремал мужчина, чьего имени Илья не запомнил. Рядом Денис Савельев, Рыжий, держал ладонями кружку без крышки и каким-то образом не расплескивал чай на колдобинах. Ему было двадцать два, но в зеленоватом свете экрана он выглядел то школьником, то усталым сорокалетним.

— Появилось? — спросил Денис.

— Пока нарисовалось.

— Это уже почти государственная гарантия.

Илья поднял телефон ближе к окну. Вызов Марине не проходил дважды. На третий раз экран показал соединение, и он сразу сказал:

— Алло. Слышишь?

Сначала был только мягкий цифровой шелест, потом голос жены:

— ...слышу. Ты где?

— Едем. Тут все нормально.

Он произнес это слишком быстро. Денис опустил взгляд в кружку. Спящий напротив не шевельнулся, но Илья почувствовал, что теперь разговор слушает весь кузов, даже железо.

— «Едем» — это где? — спросила Марина.

— Не могу сказать. Да и сам название не знаю. Связь сейчас оборвется. Дома что?

— Дома кран опять капает.

— Я перекрыл маленький вентиль под мойкой. Если сильнее пойдет, закрой второй, он за фильтром. Там ручка тугая, только не дергай.

Несколько секунд Марина молчала. Илья слышал далекий телевизор или воду, а потом сеть сжала все звуки в один шорох.

— Я не про кран, Илья.

— А про что?

Он знал про что. Именно поэтому спросил.

Машина замедлилась. Впереди по темному стеклу прошел красный стоп-сигнал, и лицо Ильи на миг стало чужим, залитым изнутри.

— Ты хоть раз скажешь мне, что тебе страшно? — спросила Марина.

Илья посмотрел на заряд. Тридцать семь процентов. В верхнем углу уверенно горели две полоски.

— У меня все под контролем, — сказал он. — Нас везут на временную позицию, там обычная работа. Проверить питание, поднять связь. Я этим пятнадцать лет занимаюсь.

— Ты пятнадцать лет чинишь городские сети.

— Принцип тот же.

— Конечно.

В ее голосе не было ни злости, ни насмешки. Только усталость, от которой ему захотелось немедленно сделать что-нибудь полезное: заказать новый смеситель, найти мастера, прислать деньги. Любое действие имело начало, конец и отметку о выполнении. Вопрос Марины не имел даже правильной формы.

— Дай Лизу, — попросил он.

— Она рядом.

Зашуршало. Послышался быстрый вдох.

— Пап?

— Привет, Лис.

— Ты помнишь, когда у меня день рождения?

Денис отвернулся к окну. Илья прикрыл свободной ладонью рот, будто это могло сделать разговор частным.

— Обижаешь.

— Тогда ты приедешь? Мы дом не закончили.

Илья не сразу понял, о каком доме речь. Потом вспомнил картонные стены на письменном столе, кривую крышу, которую они собирались оклеить красной бумагой. Внутри они придумали лифт из нитки и катушки; картонная кабина застряла между этажами. Илья обещал исправить его в воскресенье. В воскресенье позвонили из военкомата, а до этого были еще два воскресенья, в которые находились дела поважнее.

— Закончу, — сказал он.

— До дня рождения?

В машине качнуло кружку, чай плеснул Денису на пальцы. Тот беззвучно выругался и вытер руку о брюки.

— Я вернусь к твоему дню рождения, — сказал Илья. — И дом закончим вместе.

— Правда?

— Правда.

— И лифт?

— И лифт.

Он услышал собственный голос яснее, чем голос дочери. На таких словах нельзя было ставить срок, не имея данных. Но отказ прозвучал бы хуже. Отказ пришлось бы объяснять.

— Марина, — начал он, когда телефон снова зашуршал. — Ты там этот вентиль...

— Илья?

— Да.

— Ты меня так и не услышал.

Он хотел возразить. Индикатор связи показывал две полоски, счетчик разговора продолжал отсчитывать секунды, но голос уже пропал. Илья сказал «алло» три раза, подождал, завершил вызов и положил телефон в нагрудный карман под клапан.

— Нормально? — тихо спросил Денис.

— Связь плохая.

Это было правдой и потому годилось вместо ответа.

Колонна снова набрала ход. За окном тяжело нависали облака. Внутри них беззвучно вспыхивало, как будто кто-то проверял огромную неисправную лампу. Илья закрыл глаза. Он позвонил, услышал Лизу, дал обещание. Но Маринин вопрос остался без ответа.

«Да, страшно» звучало бы так, будто он просит Марину что-то с этим сделать. «Нет» было явной ложью. Она спрашивала о нем самом, и тут Илья не знал, что сказать.

Он достал телефон еще раз. Сети не было. В списке недавних вызовов напротив имени Марины стояли две минуты сорок восемь секунд. Почти три минуты. Достаточная длительность для разговора, если не учитывать содержание.

Временная позиция оказалась сырой полосой земли у дороги, несколькими машинами под сетями и низким укрытием, собранным из того, что было под рукой. Свет старались не включать. Люди двигались в темноте, узнавая друг друга по голосам и силуэтам.

Илья спрыгнул на землю. Ноги после дороги показались чужими. Кто-то спросил, где его автомат, и получил ответ раньше, чем Илья успел открыть рот:

— Не выдали еще. Он по связи. Потом разберетесь.

Разбираться никто не стал.

Канал, ради которого их привезли, то появлялся, то проваливался в шум. В наушнике возникали обрезанные слова, чужое дыхание, снова тишина. Поврежденный ретранслятор стоял чуть в стороне под легким навесом. Один угол навеса просел, кабель лежал в мокрой траве, а на корпусе аппарата тускло мигал индикатор аварии.

Илья присел рядом. После поездки работа подействовала почти успокаивающе. Питание либо приходит, либо теряется под нагрузкой. Даже плавающая неисправность оставляет след, если смотреть достаточно долго.

Он снял перчатку, чтобы лучше чувствовать крепления, и тут же пожалел: металл был холодный, влага набилась под ногти. В городе у него были бы измеритель, запасные кабели и сухой фургон. Здесь инструмент помещался на поясе, а связь требовалась сейчас.

Он натянул мокрую перчатку обратно и затянул манжету.

— Он до нас уже чудил, — сказал Денис за плечом. — Потом решили, что передумал.

— Аппаратура редко передумывает.

— Люди чаще?

— Люди скрывают симптомы.

Илья провел пальцами вдоль кабеля, не касаясь поврежденного места, проверил крепление и попросил Дениса подсветить ниже. Свет фонаря скользнул по мокрой земле. От блока питания шел запах нагретой изоляции.

— Резерв подключали? — спросил Илья.

— Подключали. На нем и сидит.

— Это не резерв, если основной не работает.

— Не придирайся к словам. Главное, оно моргает.

— Холодильник тоже моргает перед тем, как сгореть.

Денис хмыкнул, но фонарь держал ровно. Болтовня у него включалась вместе с тревогой: чем темнее становилось вокруг, тем быстрее он говорил.

Илья видел знакомую картину. Питание проседало, устройство перезапускалось, успевало поднять канал и снова теряло его. Простая неисправность — если бы не дождь и люди, которым связь нужна сейчас.

Он тронул рацию.

— Проверка.

Шум ответил коротким обрывком голоса. Потом кто-то произнес позывной, которого Илья не разобрал, и приказал готовиться к движению.

— Слышал? — спросил Денис.

— Слышал половину.

— Нужную половину.

Над горизонтом снова вспыхнуло. На этот раз через несколько секунд докатился глухой гром. Ветер прошел по траве, тронул край навеса. Первые капли застучали по каске.

— Отключаем и забираем блок, — сказал Илья.

— А канал?

— Канала почти нет. Если оставить так, не будет ни канала, ни блока.

— На резерве вытянет.

— Он уже не вытягивает.

Денис посветил на индикаторы, будто надеялся застать их за признанием. Зеленый огонек загорелся ровно. В рации сразу прозвучал отчетливый голос, потребовал подтвердить прием.

— Вот, — сказал Денис. — Испугался тебя.

Илья не ответил. Он ждал. Через четыре секунды зеленый погас, красный моргнул дважды, и голос распался.

— Отключаем, — повторил он.

Кто-то из темноты крикнул, чтобы они заканчивали и шли к машинам. Денис начал собирать инструмент. Илья успел закрепить мультитул в чехле на поясе и выпрямиться, когда вспышка залила все поле зрения. Тени исчезли; навес, руки Дениса и земля перед сапогами стали одинаково яркими.

Звук пришел не сразу — ударил в грудь, вытолкнул воздух, бросил Илью на колено. Сверху посыпалась земля. Каска съехала на глаза. Он потянул ее назад и секунду не понимал, почему мир качается, хотя сам стоит неподвижно.

Люди кричали. Где-то работал двигатель, набирая обороты. В навесе что-то звенело частыми, затихающими ударами.

— Рыжий! — крикнул Илья.

Он не услышал собственного голоса, только почувствовал его в горле.

Чья-то рука схватила его за плечо и потащила к дороге. Илья пошел, сначала согнувшись, потом быстрее. Мелкие комья земли били по бронежилету. Он не видел, кто рядом, ориентировался по движущимся теням и красным огням машины.

У дороги слух начал возвращаться. Сначала появился высокий непрерывный писк, затем под ним — отдельные звуки. Дождь усилился. Он бил по каске и плечам, быстро превращал пыль на рукавах в грязь.

Илья прижал рацию к уху.

— Рыжий, прием.

Тишина.

— Денис, ответь.

Шум, щелчок, чужой голос на полуслове.

Илья обернулся. От позиции до дороги было не больше сотни шагов, но теперь между ними лежала другая местность: косой навес, дым, выброшенная земля, оборванный кабель. Вспышки внутри туч на секунды выхватывали детали и снова прятали их.

— Где Савельев? — спросил он у ближайшего человека.

Тот показал назад, потом на машины — сам не знал.

Илья вспомнил фонарь над своим плечом. После удара Денис рядом не появился. Сквозь шум и обрывки чужих передач его ответ так и не пришел.

У дороги уже считали людей и торопили посадку. Илья втянул воздух.

— Савельев остался у навеса! — крикнул он людям у машины.

— Стой, вместе пойдем! — ответил кто-то.

Но перед глазами вспыхнула последняя известная точка: Денис у навеса, с фонарем в руке. Илья уже развернулся и побежал обратно — без оружия, без опыта, с дрожью в ногах.

Дождь заливал глаза. Прямой проход к навесу перекрывала свежая воронка: выброшенная земля и погнутые стойки легли поперек тропы. У края канавы оставался узкий промежуток. Илья протиснулся боком, съехал по мокрой кромке и едва удержался на ногах. За сапогом осыпалась земля, закрыв промежуток.

Сзади от света у дороги отделились два фонаря. У завала они повернули вправо и пошли вокруг воронки. Лучи двигались по широкой дуге и быстро отставали.

На полпути снова что-то глухо ударило вдали. Илья пригнулся слишком поздно, едва не упал и несколько шагов бежал на четвереньках, чувствуя во рту вкус грязной воды.

Страх не был холодным и ясным, как он иногда представлял. Он дробил мысли. Илья забывал, что собирался делать через секунду, замечал ненужное — белую нитку на рукаве, мигание часов, собственный хрип — и заставлял себя снова искать навес.

На коротком слаживании их учили осматриваться, не лезть вслепую, ждать команды. Илья помнил отдельные слова, но не мог собрать из них порядок. Тело выбрало свое: пригнуться, добежать до следующей темной полосы, остановиться, позвать. Он злился на себя за каждую остановку и одновременно мечтал, чтобы кто-нибудь окликнул с дороги и приказал вернуться. Тогда решение стало бы не его.

— Денис!

Ответа не было.

Под ногой хрустнул пластик. Ретранслятор лежал на боку. От него тянулся кабель, нырял под погнутую стойку. Блок питания продолжал работать рывками: вспыхивал индикатор, внутри коротко гудело, потом все стихало. С каждым таким вдохом аппаратура будто пыталась подняться и не могла.

Илья увидел ботинок.

Денис лежал боком под краем легкой рамы. Стойка прижала ему бедро, сверху навалился мокрый материал навеса. Глаза были открыты, но смотрели мимо.

Илья коснулся его шеи, не сразу нашел пульс и испугался сильнее, чем в дороге. Потом под пальцами толкнулось — быстро, неровно, живое.

— Рыжий. Слышишь меня?

Денис моргнул.

— Чай... разлил, — сказал он невнятно.

— Это уже было. Где болит?

— Везде сигнализация.

— Ногами шевельни.

Правая ступня дернулась. Левая тоже, слабее. Илья не знал, что это доказывает, кроме того, что Денис еще может выполнить простую команду. Крови он не увидел, но дождь и темнота могли скрыть что угодно.

Он ухватился за стойку. Рама оказалась легче, чем выглядела, однако ее закусало между землей и корпусом аппарата. Илья потянул. Металл сдвинулся на ладонь и застрял. В поясницу вошла боль.

— Ползи к дороге, — сказал он.

— Легко.

Денис попытался подтянуться и вскрикнул. Илья отпустил раму, та осела обратно. Где-то над ними прошел долгий треск. Не разрыв — гром, решил Илья. Или захотел решить.

Можно было уйти сейчас. За людьми, за помощью, за теми, кто знал, как вытаскивают раненых. Эта мысль была настолько разумной, что почти подняла его на ноги.

Денис повернул голову и перестал шутить. Он смотрел на Илью не отводя глаз, будто ждал, уйдет тот или останется.

— Смотри на меня, — сказал Илья. — Я приподниму. Ты вытащишь ногу. Не раньше.

Он вытащил мультитул, раскрыл пассатижи и дернул проволочную петлю, державшую край рамы. С первого раза металл выскользнул. Илья выругался, попробовал снова. Проволока поддалась. Навес осел сбоку, зато стойка получила ход.

Илья уперся плечом. Бронежилет мешал согнуться, каска сползала на лоб. Он поднял раму ровно настолько, чтобы Денис дернулся назад.

— Теперь!

Денис потянулся локтями. Прижатая нога вышла, сапог оставил глубокую борозду в грязи. Илья отбросил стойку, сел рядом, хватая ртом воздух.

— Вставай.

— Я бы полежал.

— Потом.

Он помог Денису подняться. Тот держался на обеих ногах, но левую берег. Илья перекинул его руку через плечо. Они выбрались из-под остатков навеса, обогнули воронку, которую Илья старался не рассматривать, и пошли к дороге.

Рация ожила на полсекунды:

— ...к машинам... повторяю...

— Идем! — крикнул Илья в ответ, не понимая, ушла ли передача.

Впереди снова мелькнули два фонаря — те, что отделились от дороги. Они завершали обход воронки и выходили им навстречу к узкому проходу между канавой и просевшей стойкой.

За спиной сухо затрещало. Резервный аккумуляторный блок у края навеса дымил; на поврежденном кабеле вспыхивала изоляция. Подходившие смотрели на Илью с Денисом и не замечали дыма у ног.

Илья помог Денису сесть на высокий край канавы и снял его руку с плеча.

— Стойте! Не сюда! — крикнул Илья.

Один поднял голову, но второй продолжал идти. До выключателя было три шага назад. Илья метнулся к блоку и нажал выключатель. Тот не сработал. Пришлось выдернуть поврежденное соединение, ухватившись за сухую часть корпуса.

Гул оборвался.

Огонек на кабеле погас.

На несколько секунд стало почти тихо.

Люди миновали блок и подхватили Дениса. Один спросил Илью, цел ли он. Илья кивнул, хотя вопрос мог относиться к аппаратуре.

— Ведите его к дороге. Я за вами.

Денис сделал несколько шагов с чужой помощью, обернулся.

— Не геройствуй, дядь Илья.

— Иди.

— Иду уже.

Илья видел, как они пересекли темную ложбину. Дениса поддерживали с двух сторон. Они поднялись на освещенный фарами край дороги, где его приняли другие.

Илья побежал к дороге. За пазухой неприятно холодила вода. Тридцать семь процентов заряда, подумал он неизвестно зачем. Потом вспомнил: телефон. Марина. Обещание.

Он попробовал представить картонный дом на Лизинем столе и увидел кабину лифта, застрявшую между этажами. Илья пообещал себе, что, добравшись до машины, запишет Лизе сообщение. Не отправит сейчас — сеть все равно пропала, — просто сохранит. Скажет нормально, без вентиля и заряда, что слышал ее. Эта будущая запись сразу принесла облегчение, словно уже была сделана.

В рации одновременно заговорили несколько человек.

Один голос требовал подтвердить. Второй считал — или называл номера. Третий звучал совсем близко, хотя слов нельзя было разобрать. Они накладывались друг на друга без пауз, как будто канал перестал выбирать, что пропускать.

Илья сбавил шаг, ударил ладонью по корпусу рации. Шум стал выше.

Часы на запястье мигнули. Цифры исчезли, появились снова и начали быстро перебрасываться, не складываясь во время. Илья поднял руку к лицу. В ту же секунду за спиной ожил ретранслятор, хотя питание он отключил.

Сначала пришел низкий толчок, осязаемый зубами. Потом по контуру аппарата пробежало синеватое мерцание. Стойки навеса за ним задрожали в глазах, словно над нагретой дорогой.

— ...пап?.. — сказала рация.

Илья застыл.

Голос был тонкий, сжатый помехами. Он мог принадлежать кому угодно. Но затем прозвучало:

— ...дом не закончили...

Илья прижал рацию к уху обеими руками.

— Лиза?

С дороги ему кричали. Он видел, как люди машут, видел распахнутую дверь машины. Нужно было бежать туда. Он это знал. Между знанием и движением образовалась короткая, невозможная задержка.

В облаках раскрылась белая трещина.

Ретранслятор ответил вспышкой.

Илья успел почувствовать, как каска вдавилась в голову, бронежилет потянул вниз, а все закрепленное на нем — рация, аптечка, мультитул, телефон — разом стало тяжелым. Белый свет закрыл дорогу, навес и людей. Шум рации и стук дождя оборвались одновременно. Под ногами исчезла опора.

Колени ударились о сухую землю.

Ладони ушли в сухую пыль.

Он ждал дождя по каске, но дождя не было. Жара легла на плечи сразу, плотная, дневная. Перед глазами плыл свет. Илья вдохнул и закашлялся: вместо мокрой земли пахло сухой травой и горячей пылью.

Рация молчала.

Он поднял голову. Ни красных огней, ни дороги, ни людей. Не было ни стука дождя по каске, ни гудения моторов, ни голосов. Откуда-то издалека донесся тонкий металлический звон, похожий на дрогнувший провод.

Глава 2. Другая пыль

Илья не вставал, пока не убедился, что может двигать ногами.

Сначала пальцы в ботинках. Потом ступни, колени. Он провел ладонями по бедрам, по бокам, насколько позволял бронежилет, ощупал шею под ремнем каски. Левая ладонь саднила: кожа была содрана мелкой сухой крошкой. Крови почти не было. Грудь отзывалась кашлем, в ушах еще стоял ровный шум, но резкой боли нигде не нашлось.

Он сел на пятки и заставил себя осмотреться медленно.

Перед глазами еще плавали темные точки. Илья выбрал один столб и смотрел на него, пока край не перестал двоиться. Потом закрыл по очереди каждый глаз. Правым видел чуть хуже, но так бывало и раньше. Он провел пальцами по затылку под каской, ощупал уши, попросил себя вслух назвать фамилию, день недели, имя дочери. Ответы пришли сразу. Последнее слово застряло в пересохшем горле, и он повторил его тише:

— Лиза.

Собственный голос прозвучал рядом и никак не изменил пустую местность. Илья прислушался. Ни моторов, ни шагов, ни стрельбы. Только сухие стебли шуршали, когда он двигался, и где-то впереди время от времени позванивал металл.

Сухой склон уходил вниз в неглубокую балку. За ней поднималась такая же бурая, выгоревшая возвышенность. Трава доходила местами до колена, но возле Илья земля была голой, в мелких трещинах. Дороги не было. Навеса, машины, ретранслятора — тоже. Только столбы тянулись вдоль склона, неровно, то показываясь целиком, то пропадая за перегибом. Между двумя ближайшими провис провод. Один столб стоял наклонно.

Илья снял каску. На пластике не было свежей трещины. Он вытер лоб рукавом и посмотрел на ладонь: пыль легла в линии кожи светлой мукой.

Ночью шел дождь. Не когда-то ночью, а несколько минут назад. Вода текла с края навеса, Денис лежал на мокром щебне, и Илья держал его за разгрузку. Было холодно. Здесь дневное тепло уже прошло сквозь форму и нагрело спину под бронеплитой.

Оглушение могло вырезать кусок времени. Его могло отбросить взрывом, увезти, пока он был без сознания. Но не сюда без единой ссадины, не из осени в лето.

Он тут же оборвал эту мысль. Сначала аппаратура. Потом выводы.

Рация висела там, где должна. Корпус был цел, антенна не переломлена. Илья проверил аккумулятор, прижал его до щелчка, включил питание. Индикатор ожил. Значит, вспышка не выжгла все сразу.

— Первый, я Третий. Прием.

В динамике прошел шорох.

— Первый, ответ Третьему. Денис, если слышишь, нажми передачу два раза.

Он отпустил кнопку и считал секунды, глядя на провисший провод. Шорох не менялся. Илья переключил канал, повторил вызов, затем еще раз. Ни несущей, ни обрывка чужого разговора. Это мог быть рельеф. Могла умереть антенна ретранслятора. Мог сбиться канал, хотя настройки на экране оставались прежними.

— Любая станция, я Третий. Нужна связь. Ответьте.

Тишина после отпущения кнопки была такой полной, что он услышал собственное дыхание.

Илья выключил рацию и достал телефон. Лента на треснувшем экране удержалась. Боковая кнопка сработала не сразу, и эти две секунды он успел испугаться сильнее, чем при проверке раны. Потом экран зажегся.

Тридцать шесть процентов.

Дата была прежней. Фотография на заставке — Лиза на кухне, отвернувшаяся от камеры и поднявшая ладонь, — тоже. Телефон не знал ни о сухой земле, ни о дневном свете. Часы на заставке расходились с его наручными, на которых застыли бессвязные цифры. Илья нажал кнопку часов еще раз. Ничего.

Сети не было. Значок спутниковой навигации появился, подождал и погас. Карта открылась из памяти, но показала последний сохраненный участок и серую точку вместо положения. Илья включил поиск сети вручную. Пусто. Ни своей, ни чужой. Он повторил, хотя знал, что второй поиск не создаст вышку там, где ее нет.

В списке последних вызовов оставались знакомые имена. Илья нажал на Дениса, прежде чем успел решить, зачем это делает. Телефон несколько секунд пытался начать вызов, затем сообщил то, что уже было видно по значку сети. Он набрал Лизу. Тот же результат.

Сообщение можно было написать и оставить в очереди. «Жив. Связи нет». Два слова, которые могли уйти, если телефон зацепится за сеть хотя бы на секунду. Илья набрал их, посмотрел на имя адресата и стер. Если время на телефоне сбилось вместе со всем остальным, сообщение могло только напугать. Если не сбилось — Лиза и так должна была спать. Он снова открыл поле, написал те же слова и все-таки сохранил, не отправляя. Это было не решение, а отсрочка решения.

Телефон нагрелся в руке. Тридцать шесть процентов не изменились, но Илья закрыл поиск и выключил экран. Если связи нет, бессмысленно жечь заряд. Если она появится на возвышенности, телефон понадобится.

Он снова посмотрел на линию. Столбы были старые, деревянные. Наверное, заброшенная служебная ветка. Где есть линия, там должна быть дорога или объект. Даже мертвая инфраструктура строится между двумя точками.

Илья поднялся. Земля качнулась, и он замер, расставив ноги. Через несколько вдохов склон встал на место. Тошноты не было. Он убрал телефон, проверил застежки аптечки и подсумка с мультитулом. Оружия не было — и сейчас это казалось меньшей проблемой, чем отсутствие любой понятной причины происходящего.

Он пошел вдоль столбов вверх, рассчитывая с высоты увидеть дорогу. Бронежилет тянул плечи, под каской быстро стало жарко. Через десяток шагов Илья снял перчатки и сунул их под ремень. Пыль поднималась от ботинок и не оседала сразу.

У первого столба он остановился. Дерево растрескалось, поверхность под ладонью была теплой. Провод шел высоко и явно не имел отношения к современной линии электропередачи. Илья не стал гадать, телефонный он или служебный: для этого требовалось увидеть изоляторы и подключение ближе, а голова и без того подсовывала слишком много ответов. Он лишь отметил направление. В одну сторону столбы уходили туда, откуда он пришел, и терялись за склоном. В другую поднимались к металлическому звону.

С возвышенности открылось больше земли, но не больше понимания. За балкой лежал следующий гребень. На нем не было ни вышки, ни крыши. Илья обернулся, пытаясь найти хотя бы след своего падения. Светлое пятно примятой пыли еще различалось внизу. К нему не вели колеи, следы волочения или чужие шаги. Только его собственная цепочка отпечатков тянулась к линии.

Металлический звон повторился впереди. Теперь Илья различил, как он возникает: натянутый провод коротко бился о железную деталь на столбе. За перегибом кто-то сказал несколько слов. Ответил другой голос.

Люди.

Илья ускорил шаг, потом заставил себя идти ровнее. Он не знал, как выглядит со стороны: грязная форма, бронежилет, каска, рация. Если впереди охрана полигона или ремонтники, лучше не выскакивать на них бегом.

Первым он увидел молодого человека, сидевшего у деревянного ящика. Тот прижимал к уху черную трубку, а свободной рукой придерживал крышку. От ящика по земле уходил тонкий кабель. Второй, постарше, стоял к Илье боком у катушки и собирал с земли провод. Третий сидел у столба, привалившись спиной к дереву и прижимая к боку или плечу скомканную ткань.

Илья замедлил шаг, еще не замеченный ими. Деревянный ящик был ободран по углам. Человек у него то говорил в трубку, то долго слушал, прижав ее крепче. Никакого звонка не раздавалось. Тот, что работал с кабелем, распутывал петлю, не глядя на руки, будто делал это не первый раз и торопился закончить. Их движения не походили на репетицию: никто не ждал подсказки и не проверял, попал ли в кадр.

Съемка, подумал Илья. Или реконструкция.

Мысль пришла с таким облегчением, что он едва не рассмеялся. Выцветшие гимнастерки, странные пилотки, деревянный телефон — все сразу получало объяснение. Здесь могли снимать кино. Могли проводить учения с исторической техникой. Его вынесло на площадку или полигон, а остальное сделало сотрясение.

Только площадки не было. Ни машин, ни палаток, ни кабелей освещения. И одежда на людях сидела не как костюмы: потемнела от пота под мышками и на спине, была залатана, измята. У старшего, работавшего с катушкой, на воротнике вместо погон виднелись небольшие темные петлицы. Илья встречал похожее в старых фильмах, но не сумел вспомнить, что именно они означали.

— Эй! — позвал он. — Мужики!

Молодой у телефона и старший у катушки повернулись одновременно. Раненый у столба поднял голову.

Человек у телефона уронил крышку ящика. Тот, что был у катушки, шагнул назад. Старший не суетился: снял с плеча оружие и направил в сторону Ильи. Не в небо и не для вида. Ствол остановился на его груди.

— Стой!

Илья остановился.

До людей оставалось шагов двадцать пять или тридцать. С такого расстояния невозможно было объясняться спокойно, но приблизиться без разрешения тоже нельзя. Илья раздвинул пальцы, показывая пустые ладони. Над его левым плечом качнулась открытая черная антенна рации. Молодой у ящика заметил ее и дернулся.

— Руки покажи.

Он поднял ладони до плеч. Оружие выглядело старым, но отверстие ствола было настоящим. С расстояния в несколько десятков шагов Илья не видел ни заглушки, ни чего-либо, что делало бы его безопасным.

— Свои, — сказал он. — Я без оружия.

— Кто такой?

Голос у старшего был хриплый, усталый. Он держал Илью на прицеле, но палец не дергался. Молодой у ящика положил трубку и тоже взялся за оружие. Раненый не поднялся; он сильнее прижал к телу скомканную ткань.

— Связист, — ответил Илья. — Ракитин Илья. Меня от своих отбросило. Где здесь дорога?

— Откуда идешь?

Илья показал взглядом назад, не опуская рук.

— Оттуда очнулся. Один.

— Давно?

— Несколько минут. Может, больше. Часы разбиты.

— Один, говоришь?

— Да.

Сержант посмотрел мимо него на склон. Илья тоже хотел обернуться, но не решился. Ему стало ясно, что вопрос был не поддержанием разговора. Старший проверял, не появится ли за Ильей кто-то еще.

— Каких своих?

— Группа у ретранслятора. На позиции.

Старший коротко посмотрел на молодого, затем снова на Илью.

— Часть?

Илья назвал номер своего подразделения. Уже на середине понял, что ошибся. Номер ничего не изменил в лицах. Молодой нахмурился, будто услышал набор случайных цифр.

— Где стоит?

— Я не могу сказать.

— А сюда как пришел?

— После взрыва очнулся.

— Товарищ сержант, у него коробка на груди, — сказал молодой. Он говорил без насмешки, скорее от испуга.

Илья понял, что тот смотрит на рацию.

— Это радиостанция. Своя.

— Руки держи, — сказал сержант.

Раненый у столба застонал и попытался переменить положение. Ткань сползла. На гимнастерке от плеча к боку расплылось темное пятно. Его край был почти черным, середина блестящая. Мужчина втянул воздух сквозь зубы и навалился на ладонь товарища, который бросился поддержать его.

Илья сделал шаг.

— Назад!

Ствол качнулся вслед за ним. Илья остановился, но взгляд оставался на раненом.

— Ему помощь нужна. У меня аптечка.

— Павел, смотри за ним, — приказал сержант. — Миша, не трогай. Слышишь? Сиди.

Молодой — Павел — поднял оружие выше. Он был лет на десять младше Ильи, может, еще моложе. Лицо под пилоткой лоснилось от пота. Театрального испуга в нем не было. Он боялся и старался не показать, как сильно.

— Я первую помощь знаю, — сказал Илья. — Не врач. Но могу посмотреть.

— С места не сходить.

— Он кровь теряет.

— Вижу.

Одно это слово прозвучало убедительнее приказа. Сержант видел рану, понимал, что происходит, и все равно не подпускал неизвестного. Илья оглянулся по сторонам в поисках съемочной группы. Пустой склон. Столбы. Катюшка на земле. Деревянный ящик, из которого Павел безуспешно пытался получить ответ. Ни одного человека, который прекратил бы сцену.

Где-то далеко прокатился глухой удар. Все трое у линии замерли на долю секунды. Сержант повернул голову на звук и тут же вернул взгляд к Илье.

— Товарищ сержант, — сказал Павел, — может, он ихний? Глянь, как одет.

— Я по-русски говорю, — сказал Илья.

— И что?

Ответить было нечего. Илья машинально опустил левую руку к рации.

— Не трогать! — крикнул Павел.

Сержант шагнул в сторону, освобождая себе линию выстрела. Илья застыл с пальцами на корпусе.

— Я вызову своих. Они ответят.

— Руку убрал. Медленно.

Илья послушался. Но если их начальник услышит вызов или хотя бы опознает станцию, все можно будет объяснить.

— Разрешите один вызов. Кнопку нажму, больше ничего.

— Нет. Мне надо понять, кто ты такой.

Сержант приблизился на несколько шагов, не опуская оружия. Теперь Илья видел глубокие складки у его рта, щетину, вьевшуюся в воротник пыль. На гимнастерке не было ни одной аккуратной детали, которую хотелось бы показать крупным планом. Один рукав был заштопан грубой ниткой. От человека пахло потом и сухой тканью.

За его спиной раненого снова повело в сторону. Павел бросил на него взгляд. Илья тоже посмотрел — и увидел, как пальцы мужчины разжались на окровавленной тряпке.

Кровь потекла по запястью, собралась у локтя и упала на землю тяжелой каплей. Запах дошел через несколько секунд: железный, теплый, смешанный с потом. Раненый побледнел вокруг рта. Мышцы на его шее напряглись сами собой, и его вырвало в пыль между коленями.

Раненый судорожно хватал воздух, отворачивался от собственной рвоты и не мог остановить дрожь в ноге. Илья сглотнул. Кровь на рукаве не лежала ровным пятном: ткань впитывала ее дальше, пока сержант прижимал тряпку. Михаил дернулся от нажима раньше, чем успел сдержать стон. У Ильи сразу похолодело под бронежилетом, хотя жаркое солнце все еще продолжало греть спину. Илья опустил взгляд на землю.

— Хорошо, — сказал он. — Я ничего не трогаю. Руки вот.

Он снова поднял ладони.

Сержант подошел вплотную. Теперь оружие держал Павел, переводя ствол то на Илью, то чуть в сторону. Сержант потрогал рацию снаружи двумя пальцами, словно корпус мог быть горячим.

— Снять можешь?

— Могу.

— Медленно. Одной рукой. Вторую вижу.

Илья отстегнул станцию и протянул ее антенной от себя. Сержант принял предмет за ремень, не нажимая кнопку, и положил рядом с деревянным ящиком.

— Еще что есть?

— Телефон. В кармане. Аптечка. Мультигул.

— Телефон где?

Илья показал подбородком. Слово вызвало у Павла быстрый взгляд на деревянный аппарат, потом обратно на Илью.

— Достань, — сказал сержант. — Двумя пальцами.

Илья вынул смартфон. Черный прямоугольник с треснувшим экраном выглядел в пыльной руке нелепо даже для него. Павел отступил на полшага.

— Это тоже связь?

— Да. Но сети нет.

— Какой сети?

— Никакой, — сказал Илья. — Не работает здесь.

Сержант не взял телефон в ладонь. Велел положить на землю рядом с рацией, затем обернул оба предмета снятой с катушки тряпкой и убрал в полотняную сумку. Экран оставался темным. Объяснить фотографии, приложения, питание Илья даже не пытался. Любое слово требовало бы еще десяти, а эти люди уже смотрели на него как на задачу, которую нельзя решать на месте.

— Аптечку не трогай, — предупредил сержант. — Что за инструмент?

— Складной. Пассатижи, нож, отвертки.

— Оставь пока. Руки в стороны.

Он ощупал карманы Ильи, ремни бронежилета, голенища. Делал это быстро, но тщательно. Закрытую аптечку прижал ладонью, проверяя форму содержимого, и не расстегнул. Мультигул вынул в чехле, осмотрел, вернул на место. Перчатки забрал из-под ремня, встряхнул и отдал обратно.

— Документы.

— В нагрудном кармане.

— Красноармейская книжка есть?

Илья не сразу понял вопрос.

— Какая книжка?

Сержант прищурился.

— Документы твои. Книжка.

— Удостоверение есть.

— Доставай.

Илья вынул пластиковую карточку. На фотографии было его лицо, моложе на несколько лет. Название ведомства, герб, мелкие строки. Все настоящее, проверяемое — если рядом есть база данных, телефон и человек, знающий, как должен выглядеть такой документ.

Сержант взял карточку за край. Повернул к свету. Провел ногтем по гладкой поверхности.

Он не торопился читать. Сначала согнул карточку совсем немного, проверяя материал, затем поднес к глазам фотографию. Илья попытался представить, как документ выглядит для сержанта: неизвестная гладкая пластина, слишком ровные края, цветное лицо, буквы без следа печатной машинки. То, что дома подтверждало личность, здесь подтверждало только наличие непонятной вещи.

— Это что?

— Служебное удостоверение.

— Бумага где?

— Там все указано. Фамилия, имя, номер.

— Печать где?

Илья показал на защитный знак, но сразу понял бессмысленность жеста. Павел подошел ближе, не опуская оружия. Раненый дышал тяжело, прислонившись к столбу. Вокруг мухи уже нашли темное пятно на ткани.

— Ракитин Илья Сергеевич, — прочитал сержант медленно. Современное название учреждения он произносить не стал. — Год какой?

Илья назвал год рождения.

Павел коротко выдохнул. Сержант посмотрел сначала на карточку, потом на лицо Ильи.

— Врешь плохо.

— Я не вру. Это мой год рождения.

— А год сейчас какой?

Вопрос застал Илью врасплох. Он назвал год, который показывал телефон. Павел снова выдохнул, теперь громче, и отступил ближе к деревянному ящику.

— Сговорились, что ли? — спросил Илья. — Что я должен назвать?

— Правду.

— Я ее называю.

— Тогда сам посчитай.

Илья уже посчитал. По лицам напротив выходило не расхождение в несколько месяцев и даже не ошибка в одной цифре. Но какой год они считали настоящим, сержант не сказал. Илья почувствовал, как пот стекает между лопатками под бронеплитой. Захотелось снова увидеть экран, проверить дату, открыть фотографию Лизы, найти хоть один предмет, который оставался частью его порядка вещей. Телефон лежал в чужой сумке.

Сержант убрал удостоверение в ту же сумку, положив его поверх завернутых аппаратов.
— Тогда тебе сколько?

Илья ответил. Цифры прозвучали нормально только для него.

— Часть назвал неизвестную, книжки нет, одет непонятно, — перечислил сержант. —

Аппарат такой никто не видел. Откуда пришел — не знаешь.

— Знаю, откуда. Не знаю, как оказался здесь.

— Откуда?

Илья назвал место, где ночью стоял ретранслятор. Сержант ждал продолжения.

— Это далеко отсюда? — спросил Илья.

— Не знаю такого.

— Тогда скажите хотя бы область.

Сержант не ответил сразу. Он смотрел так, словно решал, какую часть вопроса Илья мог задать честно.

— Ворошиловградская.

Название было знакомым и одновременно чужим. Илья слышал его в старых песнях, видел где-то в документах или на табличках, но не смог сразу привязать к карте. Он поискал современное название и не позволил себе произнести его. Ошибка могла быть в его памяти. После удара головой люди забывали простые вещи.

— Какой сейчас месяц?

Павел посмотрел на сержанта.

— Ты и этого не знаешь? — спросил тот.

— Хочу проверить, сколько был без сознания.

— Июль.

Илья прикрыл глаза на секунду. Осенью не мог наступить июль, сколько бы он ни пролежал. Его одежда, карта в телефоне, дата, которую он видел минуту назад, — все принадлежало одной непрерывной ночи. Здесь сухая трава кололась сквозь ткань брюк, а раненый человек дышал рядом, стараясь не стонать.

— Число? — спросил Илья.

Сержант вернул ему взгляд, но не ответил.

— Хватит. Павел, собирай аппарат. Кабель сколько можешь — на катушку. Быстро.

— А он?

— Пойдет с нами. Старший разберется.

— Мне надо к своим, — сказал Илья.

— Вот старшему и расскажешь про своих.

— У меня там раненый остался.

— Здесь тоже раненый.

Илья посмотрел на Михаила. Тот уже не удерживал ткань сам; сержант прижал ее к ране и велел Павлу затянуть повязку. Илья видел, что мог бы достать аптечку, дать перевязочный пакет, проверить сознание. Но одно движение к застежке снова поставило бы ствол ему в грудь. А содержимое аптечки, такое обычное ночью, здесь выглядело бы не менее подозрительно, чем телефон.

— Я могу помочь нести, — предложил он.

Сержант покачал головой.

— Впереди пойдешь. Руки чтобы видно.

— Связывать будете?

— Не заставляй.

Это было сказано без угрозы, как условие, понятное обоим. Илья кивнул.

Павел закрыл деревянный ящик и перекинул ремень через плечо. Кабель лег на катушку неровными витками; часть пришлось оставить у поврежденного столба. Сержант поднял Миха-

ила. Тот попытался встать сам, но ноги подогнулись. На несколько секунд он обмяк между ними, голова откинулась, глаза закрылись.

— Миша! — Павел ударил его ладонью по щеке. — Миша, слышишь?

Раненый открыл глаза, ничего не ответил и снова согнулся. Его вырвало одной водой. Павел тихо выругался. Сержант подставил плечо, принял его вес и посмотрел на Илью.

— Иди.

Илья повернулся в указанную сторону. За спиной щелкнул ремень оружия. Телефон и рация лежали теперь в чужой сумке. Аптечка оставалась закрытой на его бронежилете, но распоряжаться ею он уже не мог.

Они двинулись от линии вниз по сухому склону. Илья шел первым, держа руки чуть в стороны. Позади тяжело дышал Михаил.

Это не было постановкой.

Глава 3. Невозможные вещи

Семнадцатого июля сорок второго Михаила Овсянникова привели за обратный скат балки в тот час, когда Вера уже велела сворачивать половину вещей. Он шел между Журбой и Сычевым, но собственными ногами только перебирал: весь вес приняли их плечи. За ними спулся незнакомый мужчина в странной форме. Руки он держал на виду.

Вера отбросила сложенную косынку на брезент и подошла к Михаилу.

— Сюда. Павел, не стой столбом, подхвати под колени.

Постелью служила шинель поверх сухой земли. Михаила уложили на здоровый бок. Он застонал, попытался повернуться и сразу обмяк. Повязка на плече и боку потемнела, ткань сбилась. Дышал он часто и неглубоко. На оклик открыл глаза не сразу.

— Миша, слышишь меня?

— Слышу.

Одно слово он выговорил раздельно, через вдох. Узнал ее. Это было лучше, чем молчание, и хуже, чем его обычное ворчание.

Вера приложила пальцы к запястью. Пульс шел быстро и слабо. Михаила опять затошнило; Сычев успел повернуть ему голову. Вышла вода, почти ничего больше.

— Давно так?

— У линии вырвало, — ответил Журба. — Перед этим отключился на несколько секунд. Рану прижимали. Он сам сначала держал.

— Кто перевязал?

— Я поправлял, — сказал незнакомец.

Вера даже не посмотрела на него.

— Павел, держи здесь. Ладонью, ровно. Не отпускай, пока не скажу. Алексей, следи, отвечает ли он, и приготовь пакет и бинт.

— Нам уходить надо, — сказал Журба.

— Поэтому и работаю быстро.

Он принял ответ. Вера осторожно разрешила и отвела пропитавшуюся ткань настолько, чтобы понять, откуда идет кровь. Не стала снимать все сразу: Михаил и без того потерял достаточно. Наложённое у линии давление помогло, но повязка сползла, пока его несли.

— Миша, пальцами пошевели.

Он пошевелил. Медленно, но по команде.

— Чувствуешь мою руку?

— Чувствую. Больно.

— Больно — это пока не худший ответ.

Она заменила сбившуюся часть повязки чистой, прижала и закрепила бинтом. После первых команд Сычев начал подавать нужное без суеты. Под плечо легла сложенная косынка. Михаил еще раз закрыл глаза.

— Не спи. Как меня зовут?

— Вера Андреевна.

— Вот и разговаривай со мной. Павел, следи за ним. Если перестанет отвечать или снова вырвет — сразу скажешь.

Она проверила повязку. Кровь больше не проступала сразу, однако это не означало, что опасность миновала. Здесь можно было удержать Михаила до погрузки, не вылечить. За брезентовым навесом лежали еще двое; один тихо ругался при каждом движении, второй молчал. Свернутые сумки стояли у склона. Все вокруг напоминало не перевязочную, а остановку, которую могли отменить одним приказом.

— Кто этот? — спросила Вера, наконец взглянув на незнакомца.

Он был старше Павла, измазан пылью, в твердой каске и тяжелой защитной одежде непривычного покроя. На левой ладони виднелась ссадина. Стоял прямо, но один раз качнулся и перенес вес на другую ногу, будто земля ушла в сторону.

— Нашли у линии, — сказал Журба. — Без книжки, без части. Аппаратура непонятная, удостоверение тоже. Все забрал. Он возле Миши крутился.

— Я пытался остановить кровь, — сказал незнакомец. — У него сознание пропадало.

Он смотрел не на автомат Журбы, а на Михаила и повязку. В голосе не было ни хвастовства, ни просьбы похвалить.

— Чем помогали?

— Прижал ткань. Хотел достать аптечку, мне не разрешили.

— Правильно не разрешили, — сказала Вера. — Пока не знаем, что там.

Он сжал губы, но к аптечке на груди не потянулся.

— Кровь прижимали верно, — добавила она. — Это я вижу.

Журба кивнул на незнакомца:

— Определишь, может идти? Потом отведу к старшему.

— Сначала закончу с Михаилом.

— Я и не тороплю тебя больше, чем нас всех торопят.

Вера посмотрела на склон. Оттуда пока никто не подавал знака, но это ничего не обещало.

— Пусть сядет там, у ящика. Руки на коленях. Павел за ним присмотрит и за Михаилом тоже.

— Я могу помочь, — сказал незнакомец.

— Уже помогли. Теперь сидите.

Он послушался. Это было полезнее еще одной пары неумелых рук.

Вера снова занялась Михаилом. Проверила, отвечает ли он на простые вопросы, как дышит, не холодеют ли пальцы, не усиливается ли кровь под бинтом. Заставила Журбу переложить его осторожнее и приготовила к эвакуации. Михаил оставался бледным, слабым, с частым пульсом. Но повязка держалась, он узнавал людей и выполнял просьбы.

— Дальше его не пешком, — сказала она.

— Договорюсь, — ответил Журба.

— Не договоришься — понесете. Если снова станет хуже — сразу ко мне.

— Понял.

Только после этого Вера вытерла руки, убрала использованное отдельно и повернулась к задержанному.

— Теперь вы. Имя?

— Илья Сергеевич Ракитин.

Ответил сразу. Речь чистая, хотя голос осип. Вера поставила перед ним перевернутый ящик и села напротив, чтобы видеть лицо на одном уровне.

— Что с вами случилось?

— Был взрыв. Или разряд. Вспышка. Я очнулся здесь, возле линии. В ушах шумит, один раз чуть не упал. Кашляю.

Он отделял то, что помнил, от того, чего не понимал.

— Где ударились?

— Не знаю. Головой, кажется, нет. Каска была на мне.

— Снимите. Медленно.

Илья посмотрел на Журбу. Тот встал сбоку и сказал:

— Делай, что велено.

Застежка оказалась непривычной, но Илья сам ослабил ее и снял каску обеими руками. Вера осмотрела голову, провела пальцами там, где могла быть болезненность.

— Больно?

— Нет. Здесь немного.

Он показал на затылок. Ни крови, ни заметной припухлости она не нашла. Попросила посмотреть на нее, затем в сторону. Зрачки реагировали одинаково. Он следил за пальцем, не терял взгляд, двигал руками и ногами по просьбе. Пульс был учащен, но сильнее, чем у Михаила. Дыхание ровное; кашель сухой и короткий.

— Встаньте.

Он поднялся. Первое мгновение держался уверенно, потом качнулся. Не упал, сам ухватился за край ящика.

— Голова кружится?

— Нет. Будто в сторону ведет. Уже меньше.

— Сядьте обратно.

Ссадина на левой ладони была неглубокой. Вера очистила ее тем, что знала и чему доверяла, и закрыла простой повязкой из своих запасов. Илья наблюдал за ее руками, не спорил и не предлагал содержимое своей сумки.

— Где вы находитесь? — спросила она.

— В Ворошиловградской области. Так мне сказали.

— Месяц?

— Июль.

— Год?

— Две тысячи двадцать второй.

Сычев перестал перебирать ремни у носилок. Журба не двинулся, только внимательнее посмотрел на Илью.

Вера взяла его запястье и снова стала считать пульс. Ответ мог быть уловкой, последствием удара или убеждением, которое он не собирался менять. Само число ничего не решало.

— Сейчас сорок второй, — сказала она. — Сожмите мою руку правой. Теперь левой.

Он выполнил обе просьбы.левой осторожнее из-за повязки.

— Тысяча девятьсот сорок второй? — спросил он.

— Да. Посмотрите на меня.

Он посмотрел. Лицо у него не стало бессмысленным. Напротив, он словно хотел задать сразу несколько вопросов и удерживал их усилием.

— Кто вас привел?

— Сержант Журба. Алексей. И Павел Сычев был с ним. Они несли Михаила Овсянникова.

Запоминал имена. Последовательность событий сохранял. Вера спросила, что он делал перед вспышкой. Илья на секунду прикрыл глаза.

— Работал со связью. Потом вытаскивал мальчика. Потом была вспышка.

— Какого мальчика?

— Дениса. Он остался там. В моем времени.

Журба хмыкнул.

— Удобно. Все свидетели в двухтысячном году.

— В две тысячи двадцать втором, — поправил Илья и сразу повернулся к Вере. — Вы правда сказали сорок второй?

— Я редко называю год по ошибке.

Резкость вышла сильнее, чем она хотела. Илья кивнул, облизнул губы и снова посмотрел на нее, не на оружие Журбы. Возможно, названный год испугал его сильнее, чем задержание. Однако вопросы он продолжал слышать.

Вера не увидела тяжелой раны головы. Не увидела и спутанного человека, который забывал сказанное через минуту. Осмотр не объяснял, почему он так уверенно держался за свой год.

— В вашей сумке что? — спросила она.

— Аптечка. Для первой помощи.

— Откроем при мне. Алексей, покажи сначала документ.

Журба достал из сумки завернутые вещи, не разворачивая две самые тяжелые. Из отдельного свертка вынул гладкую карточку. Электронику он Илье не подал и даже не положил рядом.

Вера взяла удостоверение за край. На фотографии был Илья; цветное изображение казалось ей непривычно ровным. Фамилия, имя, отчество совпадали. Год рождения — 1988. Название учреждения ничего ей не говорило. Печать и строки выглядели официально лишь до тех пор, пока не пыталась понять, чья это власть и почему человек на карточке должен был родиться через сорок шесть лет.

— Хорошая подделка? — спросил Журба.

— Старательная, — ответила Вера. — Хорошей она была бы, если бы объясняла владельца, а не добавляла вопросов.

— Это настоящее удостоверение, — сказал Илья.

— Вы уже сообщили дату. Карточка повторяет вашу версию, но не проверяет ее.

Она вернула документ Журбе. Тот снова завернул его и убрал к телефону и рации.

— Аптечку снимайте сами, — велела Вера. — Два пальца. Без резких движений.

Илья отстегнул компактную сумку от снаряжения. Журба принял ее и передал Вере. Она положила аптечку на брезент между собой и задержанным.

— Ничего не вскрывать, — сказал Илья. — Там стерильное.

— Это разумно. Пока упаковка целая, так и останется.

Он впервые посмотрел на нее почти с благодарностью, но тут же спросил:

— Если Михаилу понадобится, там есть средства.

— Пока не пойму, что внутри и для чего, Михаилу ничего отсюда не дам. Ваших слов недостаточно.

Вера раскрыла сумку. Доставала предметы по одному и клала одним рядом, не разрывая оболочек.

Первой была широкая лента с пряжкой и коротким жестким воротком. Матерчатый жгут с закруткой она знала; здесь тот же принцип был собран плотнее, с необычной застежкой и мягкими деталями, названия которым она не знала.

— Для конечности? — спросила она.

— Да. Турникет. Вороток затягивает.

— Закрутка. Назначение понятно. Насколько надежна и как поведет себя материал — не знаю.

Вера положила турникет в ряд понятных по назначению вещей.

Следом вышли два плоских свертка марли. Один был сжат так туго, что казался слишком маленьким для указанного содержимого. Второй по виду отличался только надписями.

— Здесь обычная стерильная марля, — сказал Илья. — Здесь кровоостанавливающая.

— Чем пропитана?

Он назвал слово, которое Вере ничего не объяснило, и сам это понял.

— Обычная марля мне понятна, если оболочка целая. Пропитанная остается неизвестной. На Михаиле проверять не будем.

— Не будем, — согласился он после короткой паузы.

Компактная давящая повязка была ближе всего к знакомому перевязочному пакету: подушечка, бинт, способ закрепить давление. Но полотно тянулось иначе, застежка была слишком легкой, а прозрачная оболочка — тонкой и крепкой.

— Это я узнаю, — сказала Вера. — Сделано иначе, задача та же.

Два широких плоских элемента лежали вместе в герметичной упаковке.

— Наклейки для раны груди, — объяснил Илья. — Закрыть воздух.

Вера ощупала край через оболочку. Липкая поверхность и точный способ применения оставались неизвестны. Она отложила комплект к вещам с понятной заявленной целью, но без разрешения применять.

Рядом легли нейтральные и понятные по виду вещи: пара тонких синих перчаток из непривычно мягкого материала, небольшой рулон пластыря и маркер под колпачком. Вера не стала задерживаться на них. Последним был прозрачный блистер с четырьмя таблетками.

— Обезболивающее, — сказал Илья. — Но Михаилу таблетки я не предлагал. — Какое? Он назвал препарат.

— Мне это название ничего не дает. Четыре таблетки остаются четырьмя таблетками и не становятся лекарством, которому я доверяю.

Илья хотел возразить, но посмотрел на Михаила. Тот лежал с закрытыми глазами; Сычев окликнул его, и он ответил.

— Хорошо, — сказал Илья. — Не применять без проверки.

Вера сверила ряд с пустыми отделениями сумки. Весь комплект лежал перед ней, все оболочки были целы; ничего не исчезло и не было потрачено.

Отдельно каждый предмет можно было объяснить. Даже странный материал не был чудом: он гнулся, тянулся, имел швы и застёжки. Но все вместе вещи были изготовлены с одинаковой уверенностью, будто мастерские, которых Вера не знала, много раз решали одни и те же медицинские задачи и научились экономить место.

Это не подтверждало рассказ Ильи. Подделать документ можно. Собрать необычную аптечку — тоже. Труднее было понять, зачем человек у линии нес подделку, в которой год рождения выдавал его сразу, и набор для помощи раненым, где почти каждая вещь имела знакомую цель, но незнакомое исполнение.

— Оружия здесь не вижу, — сказала Вера Журбе. — Опасное есть: неизвестная пропитка и таблетки. Без проверки не использовать.

— Отдать ему?

— Нет. Оставляю у себя до решения старшего.

Она вернула весь ряд в сумку, не вскрыв ни одной упаковки, закрыла ее и поставила рядом со своей медицинской сумкой, под брезент, куда Илья не мог дотянуться.

— Это мое, — сказал он.

— Знаю. Но пока аптечка останется у меня.

— Я ничего не стану вскрывать.

— Тем лучше.

Журба поднял сумку с электроникой и удостоверением.

— Осмотрела? Я его веду.

Илья повернулся к Вере:

— Куда?

— К старшему, — ответил Журба. — Там снова расскажешь, откуда взялся.

— Алексей, подожди, — сказала Вера.

Журба нахмурился.

— У нас нет времени держать его здесь.

— У него было оглушение, шум в ушах и нарушение равновесия. Тяжелой травмы я сейчас не вижу, речь связная. Но если потащишь его немедленно и станешь добиваться ответов, потом не отличишь упрямство от ухудшения состояния.

— Он уже отвечает. Даже слишком подробно.

— Поэтому я прошу не освободить его, а оставить под наблюдением ненадолго. Охрана остается. Повторный осмотр — тоже.

Она не имела права решать, кто такой Илья, и не пыталась. Но могла назвать то, что видела. Если он симулировал, короткое ожидание не превращало его в свободного человека. Если состояние ухудшится, потерянное время уже не вернуть.

— Сколько? — спросил Журба.

— До следующей готовности к погрузке. Михаила все равно понесете отсюда. Тогда и этого передашь.

Журба посмотрел на склон, на Михаила, на закрытую аптечку у Вериной сумки.

— Ладно. Павел останется. Но шаг в сторону — и разговор кончится.

— Я понял, — сказал Илья.

Вера поднялась, затем остановилась.

— Илья Сергеевич, какой сейчас год?

Он не ответил сразу. Посмотрел на свою каску, лежавшую у ног, потом на Журбу и на повязку Михаила.

— Сейчас тысяча девятьсот сорок второй, — сказал он. — Семнадцатое июля. Но я был в две тысячи двадцать втором.

Число он удержал. Имена удержал. Порядок событий удержал. Новую дату не смешал со своей прежней. Это не делало его удостоверение настоящим и не превращало невозможный рассказ в правду. Только простого объяснения оглушением больше не хватало.

— Хорошо, — сказала Вера. — Сидите. Если шум усилится, начнет тошнить или снова поведет в сторону — скажете сразу.

— А Михаил?

— Повязка держится. Его можно везти, но состояние тяжелое.

Илья кивнул и посмотрел на Михаила.

Прежде чем вернуться к Михаилу, Вера велела Илье подняться еще раз. Теперь он встал медленнее, заранее поставив ноги шире. Это могло быть улучшением, а могло быть просто усвоенной осторожностью.

— До края брезента и обратно. Павел, рядом, но не поддерживай без нужды.

Журба не возразил, только переместился так, чтобы видеть обоих. Илья сделал четыре шага. На третьем его чуть повело влево; он остановился сам, дождался, пока вернется устойчивость, и закончил путь.

— Лучше, чем раньше? — спросила Вера.

— Да.

— Насколько?

— Не знаю, как вам ответить.

— Тогда не надо числа. Что изменилось?

— Если двигаюсь медленно, успеваю заметить, что ведет.

Такой ответ был ей полезнее уверенного «прошло». Он описал действие и ощущение, не выдавая желаемое за случившееся.

— Садитесь. Каску положите у ног.

Илья положил ее у ног и сел. Его взгляд снова ушел к закрытой аптечке.

— Вы правда сохраните все упаковки целыми?

— Пока нет нужды и разрешения применять — да.

— Даже обычную марлю?

— Обычная марля мне понятна. Но у меня есть своя. Вашу вскрывать ради любопытства расточительно.

— У нас бы сказали примерно так же.

— Значит, не все у вас там разучились считать бинты.

Это была резкость, но Илья неожиданно едва заметно улыбнулся. Не весело — скорее узнал привычную интонацию. Вера не ответила. Узнавание не было знакомством, а сходство одного правила не подтверждало остального рассказа.

Михаил застонал. Разговор оборвался сразу. Вера опустила рядом с ним, проверила повязку и снова взяла за запястье. Пульс оставался частым. Кровь снаружи не появилась, но слабость никуда не делась.

— Миша, глаза открой.

Он открыл.

— Куда тебя сейчас понесут?

— Дальше.

— Очень точный маршрут, — сказала Вера. — Кто рядом?

— Павел. Ты.

— Алексей тоже здесь.

— Его не видно.

Журба шагнул так, чтобы попасть в поле зрения.

— Теперь видишь?

— Вижу. Шумите много.

— Раз ворчишь, не совсем пропал, — ответил Журба.

Вера поправила край шинели. То, что Михаил еще мог ворчать, не означало, что ему стало лучше.

— Павел, когда понесете, следи за лицом и ответами. Не за тем, чтобы он молчал и не мешал.

— Понял.

— Повтори.

— Если перестанет отвечать, снова вырвет или повязка промокнет — сразу остановиться и сказать.

— Теперь понял.

Илья слушал, подавшись вперед, но не вмешивался. Вера заметила его руки: пальцы сжались при слове «повязка», затем расслабились. Он хотел участвовать и удерживал себя. Возможно, потому что боялся Журбы. Возможно, потому что признал порядок работы. Для нынешнего решения разницы не было.

— Вы часто пользуетесь такой аптечкой? — спросила Вера, не поворачиваясь.

— Именно этой — нет.

— А подобными вещами?

— Учился. Немного. Это не моя основная работа.

Ответ совпадал с тем, что она уже видела. Он знал принцип давления и назначение предметов. Вера могла бы спросить, кто и зачем учил его, однако это снова увело бы их в рассказ, который здесь нельзя проверить.

— Тогда запомните и другое, — сказала она. — Знать вещь мало. Надо видеть человека перед собой.

— Я понимаю.

— Пока вижу, что понимаете не всегда, но способны остановиться.

Журба усмехнулся.

— Вот это уже похоже на характеристику для старшего.

— Передашь наблюдаемое. У линии помог прижать рану. Команды выполняет. Аптечку без разрешения не открыл. Год называет невозможный, но новый ответ удерживает. Не добавляй от себя ни безумия, ни чуда.

— Чуда я точно не добавлю.

— И безумия тоже. Это не одно и то же, что ложь.

Журба еще раз посмотрел на Илью и кивнул. Этого хватало для ближайших минут.

— А вы что передадите? — спросил Илья.

— То, что видела.

— И про две тысячи двадцать второй?

— Передам, что вы так утверждаете.

— Но не верите.

— Верить — не сегодняшняя процедура.

Илья отвернулся и потер большим пальцем край повязки на ладони. Возможно, сказанное его задело. Но смягчить ответ сейчас означало бы дать обещание без проверки, а сверху уже звали готовиться к движению.

Сверху по склону донесся короткий оклик. Сычев взялся за носилки, а свернутые сумки уже стояли у выхода из укрытия.

— Отсрочка будет короткой, — сказала Вера.

— Я понял.

— Если состояние не ухудшится, пойдете к старшему. Это не освобождение.

— Я и это понял.

— Хорошо. Тогда не тратьте время на спор, который сейчас ничего не изменит.

Илья посмотрел на Михаила.

— Он доедет?

— Я не обещаю того, чего не знаю. Сейчас он отвечает, повязка держится, его можно везти. Дальше за ним должны наблюдать так же внимательно.

— Спасибо за честный ответ.

Вера ничего не сказала и снова проверила повязку Михаила.

Она еще раз убедилась, что застежка аптечки не разошлась после укладки, и поставила ее глубже под брезент. Илья видел новое место, но дотянуться до сумки со своего ящика не мог.

Она взяла свою сумку, проверила закрытую аптечку рядом и вернулась к Михаилу. Через несколько минут придется снова считать его пульс, снова смотреть повязку, снова решать, можно ли двигать. За спиной сидел задержанный, которому она не верила. Но наблюдать за ним теперь следовало внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.